ИССЛЕДОВАНИЕ

Чибисова Е.И.[1], Чибисов О.В.[1], Попов Г.Г.[2]

[1] *Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва*

[2] *Московский технологический институт*

Демографический тупик российского капитализма. Мысли вслух

АННОТАЦИЯ:

Авторы настоящей статьи предлагают оригинальный взгляд на проблему генезиса капитализма в контексте изучения вопросов русской модели капитализма. Авторами высказываются пессимистичные опасения по поводу будущего рыночной экономики в России, в котором главным препятствием на пути развития русского капитализма выступают демографические особенности российского общества, а также слишком либеральный российский рынок труда. Данное исследование представляет интерес для авторов, интересующихся проблемами генезиса в контексте изучения вопросов русской модели капитализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *капитализм, рынок труда, марксизм, переходная экономика*

JEL: *J01, J10, P17*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Чибисова, Е.И., Чибисов, О.В., Попов, Г.Г. (2015). Демографический тупик российского капитализма. Мысли вслух. *Российское предпринимательство, 16*(21), 3835–3846. doi: 10.18334/rp.16.21.2072

Чибисова Елена Ивановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры автоматизированных систем обработки информации и управления, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва (79250504296@yandex.ru)

Чибисов Олег Валерьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва

Попов Григорий Германович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Московский технологический институт

ПОСТУПИЛО В РЕДАКЦИЮ: 30.10.2015 / ОПУБЛИКОВАНО: 20.11.2015

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП: http://dx.doi.org/10.18334/rp.16.21.2072

(c) Чибисова Е.И., Чибисов О.В., Попов Г.Г. / Публикация: ООО Издательство "Креативная экономика"

Статья распространяется по лицензии Creative Commons CC BY-NC-ND (http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/)

ЯЗЫК ПУБЛИКАЦИИ: русский

Введение

Как правило, демографические изменения не столь заметны и очевидны, как экономические или политические, однако, по мере их возникновения, требуют пересмотра ценностей, моральных норм, а также всего мировосприятия и радикальных мер государства. Если брать исторические аспекты, то они со временем могли бы оказать значительное влияние на все виды деятельности человека, развитие общества, пересмотр ценностей и стабильность государства в целом. Не секрет, что Россия занимает одно из передовых мест в мире по абсолютной величине убыли населения. Ежегодно наша страна теряет около 800 тыс. человек. При этом в центральной части Европейской России умирают в два-три раза чаще, чем рождаются. Это негативно сказывается на экономике России, наличии перспективных трудовых ресурсов, что не может не волновать российское правительство. Демографическая ситуация в стране становится неотделимой частью истории любого общества, отражает ее своеобразие, испытывает на себе влияние множества конкретных исторических событий, политической обстановки, культурной ситуации, а также сама влияет на них.

Анализ генезиса и развития русского капитализма происходил и происходит в России через призму двух подходов: социально-культурного *(Попов, 2008а; Миронов, 2010)* и внешнеэкономического, последний можно еще назвать концепциями «сырьевого» и «климатического» детерминизма *(Нуреев, Латов, 2009)*. При этом одни и те же авторы могут строго не придерживаться какого-либо одного из двух названных выше подходов, обращаясь от климатического детерминизма к культурным и психологическим факторам русского капитализма[1].

Сам термин «капитализм» стал уже анахронизмом, будучи вытесненным понятием «рыночная экономика». В 1990 гг. реформаторы гайдаровской поры предложили россиянам рынок, однако это не то же, что и капитализм. В принципе, для построения рынка достаточно было ограничиться отпуском цен. Но была проведена еще и приватизация, соответственно, в России все-таки строили и строят капитализм.

Почему мы сказали «русский капитализм»? Инициатива строительства нового экономического порядка исходила все-таки из

[1] Нуреев, Р.М., Латов, Ю.В. (2007). Глава I.6. Институционализм в новой экономической истории. В книге *Институциональная экономика* (С. 256–289). М.: ИНФРА-М.

русских культурных и социально-политических центров – Москвы и тогда еще Ленинграда. Именно будущий член ГКЧП Стародубцев В.А. выступал в 1980 гг. за децентрализацию советской экономики. 13 июня 1990 г. было принято Постановление ВС СССР № 1558-1 «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР».

Одним из инициаторов разработки и принятия этого документа был глава Правительства СССР Н.И. Рыжков. Таким образом, строительство фактически капитализма в еще тогда СССР инициировано в России, одна из причин, вызвавшей этот процесс горбачевской перестройки – это низкая мотивация работников практически всех уровней к труду в условиях плановой советской экономики. Тем не менее, падение мотивации труда стало особо отчетливо наблюдаться именно в конце перестройки.

По большому счёту, производительность труда в России, по сравнению с Западом, была низкой, что вытекает из низкой экономической активности населения в целом. Это можно было бы объяснить климатом, но дело в том, что скандинавские страны демонстрируют пример успешной адаптации капитализма в условиях неблагоприятного климата. Опыт 1990 гг. в России показал, что капитализм совсем не означает для российской экономики рост производительности труда и экономической активности домохозяйств в целом.

Кризис «перестроечной» экономики СССР сопровождался снижением производительности в отраслях с высокой долей природной ренты в стоимости, например, в энергетике *(Попов, 2005)*, что, на наш взгляд, указывает на то, что мотивация труда не была главной проблемой плановой экономики. К концу 1980 гг. в СССР увеличилась ложная социальная стоимость, что стало следствием роста потребностей общества в энергии и продовольствии.

Закон ложной социальной стоимости (ЛСС) был сформулирован еще К. Марксом, но его предысторию надо искать в работах Д. Риккардо, в его теории ренты. Мы не будем пересказывать здесь теории ЛСС и ренты классиков, так как это сделано в ряде других работ *(Мещеров, 2006)*, и наша статья не об этом. В настоящей работе мы ставим задачу совместить ЛСС, построенную на теории ренты Риккардо, и анализ взаимодействия демографических процессов с динамикой становления / разрушения хозяйственного порядка, набросав общие замечания по

данному вопросу, так как понятно, что для более глубокой разработки данной проблемы потребовалось бы написание книги.

ЛСС, как и ее основа – теория ренты Рикардо, противоречат некоторым образом неоклассическому анализу, который остается для нас катехизисом экономиста-теоретика современного российского научного сообщества. Противоречие вот в чем: неоклассические постулаты поведения фирмы гласят, что фирма в любом случае будет стремиться к получению прибыли не ниже средней по экономике в целом.

В микроэкономическом анализе неоклассиков мотивация фирмы к повышению прибыли четко связана со стремлением получить отдачу от инвестиций не менее ставки процента. Д. Риккардо и К. Маркс, разумеется, не брали во внимание ставку процента, дисконтирование, финансовые риски и т.п. Для Риккардо существовал один измеритель стоимости – затраты трудового времени, к нему были привязаны пропорции выпуска товаров и мотивы фирмы, соответственно, максимизировать / сокращать производство. У Д. Риккардо, в целом, объемы денежной массы четко обусловлены количеством сделок в экономике, а последнее привязано к масштабам выпуска, то есть затратам трудочасов. Из неоклассического анализа вытекает, что фирма не будет осуществлять выпуск, если финансовый результат от реализации продукции ниже ставки процента, а последняя определяется объемами сбережений – опять-таки финансовым фактором.

Общественные потребности в неоклассическом анализе явно не просматриваются, нам их сложно уловить, кроме как в качестве присутствия «неизбежного зла», то есть государства с его расходами и налогами. Объяснить рост масштабов интернационализма государства в экономику в течение XX в. неоклассики, в принципе, не могут, опираясь только на свой инструментарий, они вынуждены привлекать концепции своих фактически оппонентов – институционалистов, в принципе, институциональный анализ в результате этого претерпел значительные изменения во второй половине прошлого века, став приложением к неоклассическому анализу, кроме отдельных периферийных течений некогда созданного Т. Вебленом здания крупной теории.

По Дж. Бьюкенену, государственный интервенционализм расширялся по мере усиления давления низов на демократические режимы через механизм свободных выборов, вместе с тем и политики увидели выгоду от этого процесса, превратив политику в рынок, на

котором приобретаются голоса в обмен на обещания избирателям хорошей жизни, основанной на заботе государства о гражданах *(Buchanan, 1968)*.

Такое неоклассическое и, в то же время, неолиберальное объяснение расширения интернационализма достаточно поверхностно, поскольку не учитывает реалий стран, лежащих за пределами англо-саксонских демократий и права. При этом в той же Германии эпохи Бисмарка интервенционализма было больше, чем в США 1870–1890 гг., хотя прусская монархия не отличалась в конце XIX в. большой склонностью к демократии.

Опыт XX в. показывает, что расширение интервенционализма происходило на почве расширения числа и масштабов общественных потребностей, а не «уродливых» отклонений от «правильного» пути развития или усиления давления низов на правительства. Точно также в XIX в. интервенционализм, а с ним и протекционизм, как одна из особых форм интервенционализма, стали распространяться на Западе в результате потребностей в колониальных товарах, поступления которых могли обеспечить только сильные в военном отношении империи.

Ложная социальная стоимость возникает на базе роста общественных потребностей, аффилированные с государством частные структуры включаются в процесс создания ЛСС, что обусловлено неполучением финансового результате не ниже ставки процента или финансового потока, рассчитанного на основе дисконтированной стоимости, а непосредственно реальными государственными заказами. Фирмы создают ЛСС также потому, что государство искусственно занижает процентную ставку, стремясь решить тем самым ряд социально-экономических проблем, которые рынок решить не в состоянии. В условиях «дешевых денег», которые не привязаны после Второй мировой войны к золоту, как грибы после дождя, растут фирмы, созданные порой авантюристами либо откровенными проходимцами; низкая эффективность привлеченных в такие фирмы факторов производства нередко создает условия для роста издержек производства во всей экономике, когда «критическая масса» таких выросших на «дешевых деньгах» фирм достигает больших масштабов.

Западные общества в период становления у них капитализма не знали «дешевых денег», их пытались создавать авантюристы типа Дж. Ло, но такие эксперименты заканчивались коллапсом финансовых систем. Даже если дешевые деньги и пытались бы внедрить в экономику

того времени, это не встретило бы поддержки в обществе, которое не имело такой высокой динамики роста потребностей, как сегодня. И теперь мы подходим к главному: почему динамика потребностей в западных обществах XV–XVIII вв. оставалась сравнительно низкой. Дело в том, что капитализм является системой общественных отношений, возникшей в конкретном месте и в конкретный исторический период. Вышеуказанный период, с позиций исторической демографии, можно назвать периодом «сжатия», когда численность населения в очередной раз, согласно законам демографического цикла, сокращалось. В Англии очередное сжатие началось в середине XV в.

В отличие от С.А. Нефедова и других российских и нероссийских последователей Томаса Мальтуса *(Нефедов, 2010)*, мы не беремся утверждать, что демографические изменения обязательно кардинальным образом должны отражаться на динамике цен на продукты питания. Напротив, в Западной Европе и в Англии, в частности, цены колебались под влиянием больше климата и политики, нежели демографического фактора *(Попов, 2008b)*. Но не это главное. Капитализм возник в условиях малочисленных территориальных и этнически относительно однородных обществ, сохранявших еще тип средневековой коммуны, перенесенной на крупные территориальные комплексы. Например, девизом Стюартов в Англии было то, что в их королевстве никто не должен голодать – принцип, который, правда, не всегда соблюдался, но все-таки был задекларирован.

В 1700 году Англия насчитывала всего лишь 5,9 млн человек на достаточно большую территорию, когда Китай – 150 млн человек *(Шоню, 2005; С. 176)*. В XVIII в. векторы развития Британии и Китая принципиально расходятся, последний остается аграрной страной с кустарной промышленностью, первая переживает промышленную революцию. В Китае было много рабочих рук и дешевого труда, но к генезису капитализма это не привело. Как показал Петр Турчин, Китай развивался от одного демографического цикла к другому *(Turchin, 2003)*, что, говоря простым языком, означало, что, когда китайцев становилось больше того уровня, когда их могла прокормить их экологическая ниша, они начинали просто истреблять друг друга в гражданских войнах.

Незначительный прирост населения Англии (таковой составлял 100 тыс. человек за 50 лет) на фоне роста цен означал рост стоимости рабочей силы и автономизация личности рабочего. Квалифицированные рабочие уже к концу XVIII в. превратились в Англии в один из

сегментов мелкой буржуазии, они были независимы от государственного давления на рынок труда (такового практически тогда не было) и не зависели так сильно, как несколько поколений до этого, от работодателя, вплоть до того, что мелкие мастера (высоко квалифицированные рабочие) сами определяли численность нанимаемых на предприятие неквалифицированных работников, зарплата последних фактически определялась по остаточному принципу. Напряженность на рынке труда имела место только в сегменте неквалифицированных рабочих, преимущественно ткачей, что было связано с сохранением старой патриархальной семьи в английском селе, семьи, которая не знала контрацепции.

Английская деревня постоянно «выбрасывала» в город женские излишки населения, девушки не могли наследовать хозяйство, соответственно, им оставалось отправляться в город *(Попов, 2014; С. 501-502)*. По всей видимости, в английском селе был на какое время нарушен баланс между мужчинами и женщинами, поэтому последним по достижении 16–18 лет было сложно вступить в брак.

Демографическое давление в Англии периода становления капитализма было еще ниже, чем в период промышленной революции. Низкая численность населения облегчала налаживание между индивидами связей и рост социального капитала, соответственно. Этнический психотип населения Англии оставался столетиями сравнительно однородным. В принципе, то же самое можно сказать и о США конца XVIII в., с той только поправкой, что там были чернокожие рабы, но эта страта общества имела достаточно изолированный в социальном и географическом аспектах характер.

Таким образом, в лице обществ, переживших генезис капитализма, мы видим культурно гомогенные (во многом это было вызвано общностью религиозных представлений), малочисленные коммуны, что облегчало установление социальных связей внутри территориальных сообществ, и, соответственно, упрощало коммуникации и обмен, то есть были созданы оптимальные условия для формирования рыночных транзакций. Правда, эти общества до конца XVIII в. сохраняли еще жесткую социальную иерархию. Рост потребностей таких обществ был достаточно ограничен, при том, что природные ресурсы находились в достаточно большом объеме. Например, в Северной Америке были миллионы километров диких неосвоенных лесов, что создало в XIX в. условия для погашения

инфляции, вызванной ростом спроса растущего численно населения. Что важно, в Западной Европе имело место низкое залегание пластов углей и железной руды, что позволяло даже небольшим фирмам без помощи государства осваивать добычу полезных ископаемых.

Прирост численности населения в Англии на 100 тыс. чел. в полстолетия привел к тому, что рынок труда оставался без высокой динамики. Восполнение рабочей силы на производстве происходило в основном за счет рожденных в рабочих семьях, буквально на место каждого выбывшего по старости приходил молодой работник *(Попов, 2014; С. 501-510)*. Это требовало от общества выделения немалых средств для обучения и подготовки новых кадров, поскольку, если на смену старшему поколению приходили новые работники более низкой квалификации, то производству грозил спад.

Демографическая ситуация и вызванные ею особенности рынка труда в Британии противоречат сами по себе концепции раннего марксизма о высокой динамике капитализма. В принципе, Д. Риккардо не признавал за современной ему хозяйственной системой Англии никакой высокой динамики. Спустя много лет Карл Поланьи признал, что капитализм сложился в условиях высокой степени стабильности экономической системы, что было вызвано как регулированием рынка труда средневековыми цехами Англии, так и политикой ограничения вывоза драгоценных металлов (политика меркантилизма) *(Поланьи, 2014)*. Но и после конца меркантилизма в Англии сохранялся хозяйственный порядок, отличающийся низкой динамикой рынка труда. Соответственно, заработная плата и цены на товары первой необходимости демонстрировали стабильность в длительном периоде *(Попов, 2014; С. 501-510)*. Причиной тому была демография Англии, страны, отличавшейся низким приростом населения.

Стабильность в ценах породила стабильность в социальных структурах, к которой англичане сильно привыкли. Практически с конца XVII в. в Англии не было сильных революционных течений, что объяснимо низким демографическим давлением на рынок труда.

Теперь перенесемся в Россию на несколько столетий вперед. Один западный путешественник незадолго до Первой мировой войны увидел российские вокзалы в губернских центрах и Москве, это зрелище привело его в ужас: хаос, массы мигрирующего населения, толпы нищих. В принципе, в глаза иностранцу бросилась реальность российского капитализма второй половины XIX – начала XX вв., когда Российская

империя отличалась высокой социальной динамикой и внутренней миграцией. На рынке труда возникла напряженная ситуация. Мотивация к труду у рабочих снижалась, потому что реальные заработные платы понижались на фоне роста предложения труда *(Пушкарева, Бородин, Глазунов, и др., 2011; С. 80-95)*. Русский капитализм к 1905 году зашел в тупик. Система стабильных цен была подорвана, инфляция подскочила к концу Русско-японской войны в 2 раза, в некоторых местах рост цен на продукты питания был еще выше, чем в среднем инфляция по стране.

Фирмы в Российской империи в конце XIX в. – начале XX вв. росли, как грибы после дождя, что было обусловлено как ростом госзаказов, размещавшихся в частном секторе, так и притоком иностранного капитала, последнее было важнее. Рост числа фирм в сочетании с увеличением численности пролетариата вел к тому, что в обществе росло число новых трансакций, менялись цены на факторы производства и конечные товары, а также росла масса кредитной задолженности в экономике, все это сочеталось с изменениями в социальной структуре общества наряду с «реактивной» миграцией внутри империи, особенно в связи со строительством Транссиба.

До 40% издержек фирм приходится на трансакции, эта пропорция справедлива, скорее всего, и для начала прошлого века. Трансакции пронизывают и трудовые отношения. На каждых 7–12 рабочих и служащих до наступления эпохи компьютеризации требовался один линейный менеджер. Резкое увеличение числа рабочих не могло сопровождаться адекватным ростом численности специально и качественно подготовленных управленцев, что сказалось на снижении качества управления на российских предприятиях в начале прошлого века. Следствием этого стал рост недовольства российских рабочих, что выразилось в значительном увеличении количества жалоб от них в Инспекции по труду.

Резервы трудовых ресурсов в России были огромны к началу Первой мировой войны, что вызывало постоянное давление на рынок труда. В сочетании со всеми приведенными выше факторами это не могло не привести к социальному взрыву, который принял форму социальной революции.

Рыночные реформы в России начинались в условиях перенаселения неперспективных регионов, в первую очередь аграрных и сырьевых, а также тотальной занятости, что при росте в дальнейшем безработицы и количества фирм (явления, вроде бы, противоречащие

друг другу) должно было увеличить и количество трансакций в экономике, и издержек, связанных с понижением качества управления.

Возникшие в результате всплеска рождаемости диспропорции между возрастными группами населения вели к развитию такого явления, как преобладание лиц либо старших возрастов в управлении какими-либо производствами, либо сокращения «возрастных» менеджеров, чтобы создать молодые коллективы и избавиться от засилья советских управленцев. Происходило это также на фоне разрушения систем отбора кадров, когда на смену нормативным подходам и элементарному опыту отраслевых специалистов приходили примитивные критерии, основанные на социальных сигналах, формируемых, в первую очередь, СМИ. Одним из таких сигналов стало наличие диплома МГУ или Петербуржского государственного университета как ключа, открывающего все двери (ситуация в этом смысле мало изменилась до сих пор).

В условиях турбулентного рынка труда, когда работники порой меняли работы более одного раза в год, дилетантизм – неизбежное зло. Такая среда порождает рост издержек управления, связанных не только с увеличением оплаты труда менеджеров, но и с потерями экономики от низкого качества управления.

К началу нулевых годов российская хозяйственная система и ее рынок труда относительно стабилизировались, но их потрясла новая волна притока дешевой рабочей силы из республик бывшего СССР. Примечательно в этой связи то, что к 2000 гг. уровень занятости в России даже не достиг показателей 1990 г., хотя население по численности и возрастной структуре осталось почти тем же, что и в начале 1990 гг. *(Попов, Матшина, 2010)* (единственное отличие – сократилось количество детей младших возрастов). При этом в 1997–2003 гг. в России произошел сдвиг в технологии производства, на практически всех предприятиях появились ПК. Но ВВП России к 2001 году не вышел на уровень 1990 г. Соответственно, у российской экономики имелись внутренние трудовые ресурсы, пути оптимизации численности персонала посредством внедрения компьютерных технологий и отсюда – потребность в иностранной рабочей силе должна была быть минимальной. Но нет, все пошло по-другому.

Приток дешевых денег в виде нефтедолларов, которые обменивались на рубли по явно заниженному курсу, привел к накачиванию российской экономики ликвидностью и росту кредитной

массы, что провоцировало в свою очередь образование большого количества фирм и филиалов сомнительного качества. Стабилизации цен не наступило. Качество труда, в связи с усилением давления на рынок труда внутренних и внешних мигрантов, ослабло (зачем обучать водителя экскаватора, когда есть сотня дешевых землекопов?). Старые социальные связи в обществе разрушались. В принципе, так мы получили новый тупик второго издания русского капитализма.

Крупный объем ложной социальной стоимости, созданный в советский период, был вызван также ростом населения, конечно же, в первую очередь после 1945 г., а также изменениями общественных потребностей. Соответственно, проблема ложной социальной стоимости с прекращением плановой экономики в России никуда не ушла. Есть государство, есть предприниматели-авантюристы, создающие неэффективные и оттягивающие на себя значительные ресурсы активы. Есть, в конце концов, стареющее население (в XVIII–XIX вв. около 85% населения относилось к молодым и средним возрастам), которому нужны пенсии и новая медицина.

Заключение

В связи с вышесказанным, необходимо понять, возможно ли построить эффективный капитализм в России сегодня, и если да, то какие формы примет эта система. Если капитализм есть все-таки модель экономики, детерминированная рынком труда с низкой динамикой и, соответственно, отношениями труда и капитала, отличающимися высокой стабильностью или даже консерватизмом, то нам надо пересмотреть саму философию рыночной экономики. Социальные системы консервативного характера и есть базис капитализма. В этой связи те экономические модели, которые строятся сегодня в ряде постсоциалистических стран, являются искажениями или даже отходом от капиталистического пути развития.

ИСТОЧНИКИ:

Миронов, С.М. (2010). Идеологическое соревнование между капитализмом и социализмом только начинается. *Вестник МГИМО Университета, 1*, 90-95.

Нефедов, С.А. (2010). *История России: Том 1. С Древнейших времен до Великой Смуты.* М.: Территория будущего.

Нуреев, Р.М., Латов, Ю.В. (2009). *Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития)*. Калининград: Издательство Института им. Иммануила Канта.

Поланьи, К. (2014). *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб: Алетейя.

Попов, Г.Г. (2005). Кризисы советской и российской экономик через призму неокейнскианских теорий. *Экономика и право, 4*, 69–79.

Попов, Г.Г. (2008a). «Патология» русского капитализма в контексте сравнения генезиса капитализма в России и на Западе. *Историко-экономические исследования, 9*(3), 63-72.

Попов, Г.Г. (2008b). Рассмотрение причин генезиса капитализма в Англии с позиций социально-естественного подхода. *Экономические науки, 39*, 436-439.

Попов, Г.Г. (2014). Хозяйственный порядок в Британии в XVIII - начале XX вв. о причинах кризиса капитализма «нулевая депрессия». *Cloud of Science, 1*(3), 498-516.

Попов, Г.Г., Матшина, Е.В. (2010). Трудовые ресурсы и экономическое развитие России. *Экономические науки, 66*, 47-53.

Пушкарева, И.М., Бородин, Л.И., Глазунов, С.В. и др. (2011). *Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX – XX вв.*. СПб: Алетейя.

Шоню, П. (2005). *Цивилизация классической Европы*. Екатеринбург: У-Фактория.

Мещеров, В.А. (2006). Действительная и ложная социальная стоимость – исходные формы образования рыночной стоимости. *Terra Economicus, 4*(1), 89-97.

Buchanan, J.M. (1968). *The Collected Works of James M. Buchanan: Volume 5. Demand and Supply of Public goods*. Chicago: Rand McNally & Company.

Turchin, P. (2003). *Complex Population Dynamics: A Theoretical/Empirical Synthesis* (Monographs in Population Biology; Volume 35). NJ: Prinston University Press.

Elena I. Chibisova, Candidate of Science, Economics, Associate Professor of the Chair of Automated Data Processing and Management Systems, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Oleg V. Chibisov, Candidate of Science, Economics, Associate Professor of the Chair of Financial management, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Grigoriy G. Popov, Candidate of Science, Economics, Associate Professor of the Chair of Economics, Moscow Technological Institute

The demographic dead-end of the Russian capitalism. Thoughts aloud

ABSTRACT:

The authors of the present article propose their view on the problem of capitalism genesis in the context of studying Russian capitalism model. The authors express their worries concerning the future of Russia's market economy, wherein the main obstacles on the way of Russian capitalism will be the demographic situation and excessively liberal nature of the Russian labor market. This research may be of interest for the authors interested in the problems of genesis in the context of studying Russia's capitalism model.

KEYWORDS: capitalism, labor market, Marxism, transition economy